

Н. В. Константинова

«Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина: «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации

В статье рассматривается специфика «творческой лаборатории» А. С. Пушкина на материале документального травелога «Путешествие в Арзрум». Новизна исследования состоит в выявлении способов построения сюжетной ситуации в документальном травелоге в аспекте проблемы автора. Для анализа привлекается сюжетная ситуация «случай с калмычкой» с точки зрения обнаружения способов беллетризации документального материала, а именно деромантизации и автокоммуникации. Использование сравнительного метода анализа – сопоставления «кавказского дневника» 1829 г. и итогового варианта «Путешествия в Арзрум» 1836 г. – позволяет увидеть ряд существенных изменений в описании «случая с калмычкой». Включение эпизода с калмычкой в литературный контекст обнаруживает связь с традицией сентиментализма, сюжетной ситуацией «Лизинго текста», а также ее романтическими вариантами. Выявленные повествовательные эксперименты обнаруживают особую авторскую рефлексию и над процессом текстопорождения, и над общим литературным контекстом (сентиментально-романтической традицией), и над своими произведениями, написанными до 1829 г. Они становятся маркерами эволюции пушкинского творчества – деромантизации, самоиронии и пародирования, выражают переход к реализму, тяготение к прозаизации.

Ключевые слова: сюжетная ситуация, путешествие, авторская установка, деромантизация, автокоммуникация, документальный травелог, «Путешествие в Арзрум».

Для цитирования: Константинова Н. В. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина: «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 10–22. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_10. EDN: SLDOOB

Пушкинский период считается своеобразной точкой отсчета в формировании нового этапа развития травелога в XIX в. На этом фоне нами выделяется «Путешествие в Арзрум» как травелог, в котором проявляется новый способ моделирования структуры повествования [11]. Новаторство Пушкина чаще рассматривается в контексте развития жанра травелога. Так, в частности, отмечалось, что именно в «Путе-

шествии в Арзрум» «борьба во имя реализма с жанром сентиментального путешествия доводится до конца» [10, с. 328]. В 30-е гг. XIX в. складывается новая поэтика реалистического путешествия и «обретает совершенную форму в путешествии Пушкина»¹. В аспекте проблемы автора понимание феномена пушкинского травелога наиболее подробно комментируется в диссертационном исследовании И. В. Банах, в частности, указываются авторские приемы, благодаря которым и происходит разрушение условности субъективного повествования за счет «минимализации идеологической дистанции между биографическим автором и героем-повествователем и – соответственно – возврата к автобиографичности повествования, утраченной в сентиментальном путешествии» [3, с. 11].

Определение специфики повествования в пушкинском травелоге неоднократно становилось предметом исследования. Основная проблема заключается в соотношении «биографического автора» и героя-путешественника. С этим вопросом связаны разнообразные дискуссии пушкинистов. Так, П. В. Алексеев, характеризуя принципы ориентализации пространства в травелоге А. С. Пушкина, в том числе ставит и важные вопросы, касающиеся проблемы автора: «В какой степени нарратив травелога отражает реальное путешествие и каковы точки сближения интенций автора и повествователя? <...> Каков биографический и литературный контекст произведения?» [1, с. 5]. Отвечая на поставленные вопросы, исследователь ориентируется на литературный контекст травелога Пушкина. По замечанию Ю. Н. Тынянова, «...герой “Путешествия в Арзрум”, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, – никак не “поэт”, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву “вольности дворянской” и вовсе не собирающийся “воспевать” чьи бы то ни было подвиги» [18, с. 67–68]. С этим тезисом спорит П. В. Алексеев и, напротив, обращает внимание на неоднократное указание автора на то, что повествователь – поэт, что позволяет «выделить “литературность”, или “книжность”, как базовый принцип проведения границы между Западом и Востоком в пушкинском травелоге: демаркация мифоло-

¹ Проценко Е. Г. Литература «Путешествий» в России в 1840–1850-е годы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Л., 1984. С. 97.

гических границ Запада и Востока осуществляется только в пространстве культуры» [1, с. 6].

Материалы и методы

Подобные разногласия литературоведов по поводу авторской позиции, на наш взгляд, были спровоцированы особым типом повествования, в котором намеренно совмещены различные «маски» рассказчика¹. М. Ю. Касумова, ориентируясь на мнение Б. Томашевского [17, с. XLIX], в свою очередь, высказывает мысль о полной идентификации «биографического автора» и рассказчика, характеризуя эту особенность как принципиальное новаторство Пушкина в жанре путешествия, и, указывая на очевидный автобиографизм, утверждает, что «авторский голос четко говорит сам о себе, рассуждает от своего имени, дистанция, порожденная искусством, отсутствует» [5, с. 78–79]. На неоднозначность роли рассказчика как определенную установку автора указывает также И. Л. Багратион-Мухранели, отмечая, что Пушкин уходит от «однозначной самоидентификации», отказывается от литературного канона сентиментальных путешествий и не принимает образа повествователя хождений, «избегает романтической восторженности своих ранних произведений», имитирует «реальность событий» [2, с. 160].

Новизной настоящего исследования является включение «Путешествия...» как в общий историко-литературного контекст первой трети XIX в., так и в «творческую лабораторию» Пушкина, что способствует выявлению некоторых новых особенностей выражения авторской позиции в травелоге. Одним из способов ее проявления, известным по другим произведениям поэта, становятся отсылки к своим или чужим произведениям. В статье подробнее будет представлен метод перенесения этого принципа в документальный травелог, что позволяет увидеть семантические смещения, влияющие на повествовательную модель. Предметом исследования в данном случае является специфика травелога Пушкина как яркого образца авторских повествовательных экспериментов. В качестве материала для анализа привле-

¹ А. Шенле, например, использует термин «нарративная маска», комментируя принципы соотношения в травелоге Пушкина вымысла и реальности. См.: Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. С. 194.

кается сюжетная ситуация «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации.

Результаты

Эпизод встречи путешественника с калмычкой имеет важное значение в структуре повествования пушкинского травелога, так как позволяет обнаружить совмещение разных точек зрения при описания документального материала. История этого эпизода подробно описана исследователями. Особо стоит отметить работы Б. А. Кичиковой, в которых содержится подробный комментарий особенностей фрагмента о встрече путешественника с калмычкой в контексте творчества А. С. Пушкина, учитываются этнографические особенности описания эпизода, связь с эпистолярным наследием автора [6–9]. В настоящей статье «случай с калмычкой» интересует нас в аспекте двойной авторской направленности – как в сторону романтического сюжета, так и в сторону самоиронии.

Сопоставление «кавказского дневника» 1829 г. и итогового варианта – «Путешествия в Арзрум» 1836 г. – позволяет увидеть ряд существенных изменений. «Путевые записки» 1829 г. содержат первый вариант описания встречи с калмычкой [14, с. 1028–1029], в котором акцентируется внимание на самой дорожной ситуации (встречи путешественника с «калмыцким семейством», увлеченность «молодой калмычкой»), на подробном описании внешности и голоса калмычки («собой очень недурная», «лицо смуглое, темно-румяное, багровые губки, зубы жемчужные», «голос ее был чрезвычайно приятен»), ее действиях («шила куря табак», «подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством», «предложила мне свой ковшик», «моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке»). В ходе диалога калмычки с путешественником выясняется, что ей 18 лет, при этом не проясняется ее имя, отмечается отказ от поцелуя («Поцалуй меня. – Неможна, стыдно»). Вместо ожидаемого любовного приключения путешественник получает ковшик «гадкого» чая с бараньим жиром, кусочек сушеной кобылятины и удар по голове «мусикийским орудием». Результатом встречи становится поспешный отъезд («Калмыцкая любезность мне

надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее») и послание, которое в «путевых записках» не называется, но указывается, а место пропуска текста обозначается тройным тире («Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет – – –»). Исследователями отмечено, что на месте пропуска подразумевалось стихотворное послание «Калмычке». Оно было сначала записано в дорожной первой Арзрумской тетради [7, с. 166], а затем впервые опубликовано в «Литературной газете» в 1830 г. (№ 38 от 5 июля). Кроме того, установлено, что в конце 1836 г. Пушкин подготовил план издания своих поэтических произведений, основанный на новом принципе, – не хронологическом, но жанровом и жанрово-тематическом. Сгруппировав тексты в писарских копиях, на обложке каждого раздела он собственноручно написал его название. Стихотворение «Калмычке» входит в раздел «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)»¹. На то, что в «путевых записках» 1829 г. есть указание на место для стихотворения «Калмычке», обращает внимание Я. Л. Левкович: «В запись от 15 мая необходимо включить стихотворение “Калмычке” – его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным» [13, с. 121, 133]. Место «послания» обозначено тройным тире после вводящей его в дневник фразы.

Однако, примечательнее все же его отсутствие в «кавказском дневнике», важен и смысловой пропуск, выраженный тире, благодаря чему создается уже в первом варианте описания эпизода встречи с калмычкой совмещение разных точек зрения на эпизод (поэзия и проза). Первая же строка стихотворения «Калмычке» – «Прощай, любезная калмычка!» – соотносится, с одной стороны, с ироничной фразой путешественника «калмыцкая любезность мне надоела», с другой стороны, отсылает к первой строчке стихотворения «К морю» – «Прощай, свободная стихия!» 1824 г. Функция автокоммуникации не только в самоиронии, ирония затрагивает и типичный романтический сюжет о встрече с дикой красавицей: мотивы свободы, дикой стихии никак не соотносятся с «прозаичной» встречей. Поэтическое «прощание» поэта с романтическим этапом своего творчества символически выражается и в «Калмычке». Об этом,

¹ В раздел входят следующие тексты, распределенные в хронологическом порядке: Дорожные жалобы. Калмычке. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Монастырь на Казбеке. Обвал. Кавказ. Из Гафиза. Делибаш. Дон.

в частности, свидетельствует и описание внешности героини: узкие глаза, плоский нос, широкий лоб. По поводу этого портретного описания Д. Д. Благой заметил: «... если в "Кавказском пленнике" "природа", в лице "девы гор", предстала в романтическом, идеализированном виде, здесь она дана такой, как есть. <...> Подобный этнографически точный женский портрет, конечно, был бы немислим ни в южных поэмах, ни вообще во всей предыдущей лирике Пушкина» [4, с. 358].

Включение эпизода с калмычкой в литературный контекст обнаруживает и связь с традицией сентиментализма, сюжетной ситуацией «Лизинго текста» («заезжий» дворянин добивается благосклонности местной крестьянской девушки, простолюдинки), сатирического ее изображения в «Путешествии...» А. Н. Радищева (о «валдайских развращенных девках», которые «всякого проезжающего останавливают и стараются возжигать в путешественнике любопытствие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия» [15, с. 466]), а также эпизод отсылает к «Станционному смотрителю» (о поцелуе Дуни, который не мог долго забыть случайный проезжий путешественник). Таким способом автор создает сложную игру с разными типами повествования.

В итоговом варианте описания, в тексте 1836 г. «Путешествия в Арзрум», эпизод с калмычкой ещё более усложняется и преобразовывается: устраняются подробности в описании внешности (остается только обобщенная характеристика – «молодая калмычка, собою очень недурная»), путешественник не обращается с просьбой его поцеловать, а только соглашается выпить ковшик «гадкого» чая с бараньим жиром и солью, закусывает кусочком сушеной кобылятины и уезжает. Таким образом исчезают какие-либо намеки на любовные отношения, симпатию, однако в конце эпизода путешественник резюмирует: «Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи» [14, V, с. 427]. Калмычка из целомудренной девы, отказывающейся проезжему в поцелуе, превращается в «степную Цирцею».

Аллюзивно возникает мифопоэтический подтекст, снижается и образ Цирцеи, волшебницы, способной своим зельем соблазнить и оставить у себя жить любого мужчину-путешественника, и сама сюжетная ситуация. У Пушкина

зелье превращается в «гадкий» чай с бараньим жиром, Цирцея – в калмычку, а соблазнение – в калмыцкое кокетство, и все завершается поспешным бегством путешественника. Калмычка, как и кавказский пленник, – герои литературных сюжетов – в травелоге преобразуются в постаревшего в неволе пастуха и несостоявшуюся возлюбленную, которую путешественник оставляет пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. Образ «степной Цирцеи» пародиен как в отношении мифологического, так и романтического сюжета. Послание «Калмычке» также может рассматриваться как своего рода минус-прием.

О значимости изменений фрагмента существуют разные версии исследователей, связанные, в том числе, и с проблемой автора. Так, Сим Жиын считает, что это объясняется «маскировкой» автора: «автор-наблюдатель предпочитает в тексте “Путешествия” не раскрывать себя как поэта-профессионала» [16, с. 76], В. А. Кошелев, напротив, опровергает эту точку зрения и утверждает, что «“Путешествие в Арзрум” – это произведение документальной прозы, написанное **поэтом** (выделено. – В. К.), здесь текст насыщен поэтическими цитатами из разных эпох и на разных языках. К случаю же авторской “маскировки” можно отнести лишь включенный в текст “Путешествия...” замечательный пример постижения Пушкиным иного культурного и духовного опыта, его “протеизма” и “всемирной отзывчивости” – стихотворение “Стамбул гяуры нынче славят...”, представленное как “начало сатирической поэмы”, приписанной вымышленному “янычару Амин-Оглу» [12, с. 270]. На наш взгляд, отсутствие упоминания о стихотворном послании калмычке в эпизоде встречи и прощания дополнительно значимо в контексте анализа всей структуры повествования травелога Пушкина «Путешествие в Арзрум». Это связано с тем, что послание все же появляется, но в другом фрагменте и выполняет иную функцию при описании осмотра только что завоеванной крепости Карс. Поэтическое послание калмычке выполняет в этой ситуации другую роль – официального документа, «письменного предписания»: «Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною

в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу; это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» [14, V, с. 423].

Важность и официальная роль офицера очевидно разрушается стилистически сниженным комментарием по поводу настоящего содержания бумаги (листка). А листок, в свою очередь, ещё раз напоминает читателю эпизод, в котором, пародируя романтический сюжет, герой бежит от калмычки, оставив несостоявшуюся возлюбленную пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. По мнению Б. А. Кичиковой, «микросюжет о стихах, выданных за подорожную, вероятно, относится к той области пушкинского творчества, о которой нам известно лишь немного, – к его мастерству устного рассказа, сжатой в пружину устной новеллы, или анекдота, который он очень ценил как жанр». А травелог Пушкина, в связи с этим соотносится с биографическим контекстом, в котором эпизод с подорожной мог существовать «в качестве дорожного анекдота о всесии “бумаги” и находчивости путешественника» [7, с. 169]. Так автором выражается и ирония по поводу значимости и подлинности документального материала, и пародия на сентиментально-романтический сюжет, и самоирония автора над своими поэтическими экспериментами как результатом реального дорожного происшествия. В этом аспекте интересен комментарий исследователя о том, как отражается эпизод с калмычкой в эпистолярном наследии Пушкина. В одном из писем 1833 г. своей жене Пушкин иронически комментирует свое поведение: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю – и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику» [7, с. 169]. На «озорство» как «общее настроение, излучаемое стихотворением» «Калмычке», указывает и Е. Г. Эткинд [20, с. 550].

Обсуждение и выводы

Таким образом, эпизод о встрече с калмычкой представляет в тексте Пушкина «Путешествие в Арзрум» совмещение разных точек зрения на событие путешествия, подтверждая синкретизм повествовательной модели. Отмеченная исследователями «маскировка» автора, с одной стороны, обнаруживает установку Пушкина как автора, рефлексизирующего над процессом текстопорождения, ориентирующегося не только на общий литературный контекст (на сентиментально-романтическую традицию), но и на свои произведения, написанные до 1829 г. В связи с чем и послание «Калмычке» как отдельный стихотворный текст, и варианты его включения в версии травелога о путешествии на Кавказ становятся маркерами переосмысления литературной традиции, деромантизации, самоиронии и пародирования, указывают на изменения, отражающие эволюцию не только историко-литературного процесса XIX века, но и переходный этап в творчестве Пушкина – переход к реализму, тяготение к прозаизации. С другой стороны, деромантизируется и роль путешественника, который в травелоге позиционирует себя поэтом, но одновременно осознает несовершенство своих текстов (послание калмычке характеризуется фразой «намаранное мною на одной из кавказских станций»). Ирония рассказчика в свою очередь оказывается направленной на литературные шаблоны и штампы, выражающие специфику сентиментального и романтического типов сознания. Важно, что несостоятельность прежней чувствительной и романтизированной точек зрения на мир раскрывается в эпизоде описания военных действий, когда рассказчик выполняет роль военного, представителя русского войска. Ситуация войны нивелирует и сентиментально-романтические сюжеты, и значимость литературной деятельности как таковой.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 382. – С. 5–12.
2. Багратион-Мухранели И. Л. Мотив чудесного исцеления в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. – 2013. – Вып. 6. – С. 160–167.

3. Банах И. В. К проблеме повествовательной объективности в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики): материалы междунар. науч. конф. – Гродно: ГрГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 7–13.
4. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). – М.: Советский писатель, 1967. – 721 с.
5. Касумова М. Ю. Исследование Востока художественными средствами в жанре «путешествия» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – Вып. № 3 (34). – С. 78–79.
6. Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 111–115.
7. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 166–173.
8. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 3. – С. 169–176.
9. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения: сб. науч. трудов. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – С. 196–204.
10. Комарович В. Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 3. – М.-Л., 1937. – С. 326–338.
11. Константинова Н. В. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина в истории развития документального травелога XIX века // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXVIII Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 21–31.
12. Кошелев В. А. «Арзрум нагорный...» // Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. Очерки. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 269–296.
13. Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. – Л.: Наука, 1988. – 327 с.
14. Пушкин А. С. Путевые записки 1829 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. – Т. VIII. – Кн. 2. – С. 1027–1046; дополненное к юбилею поэта: В 19 т. – М.: Воскресенье, 1994–1997.
15. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 397–550. (серия «Библиотека всемирной литературы»).
16. Сим Жиын. Образ пути и его значение в творчестве Пушкина: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»; «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Русская литература. – 2003. – № 2. – С. 66–80.
17. Томашевский Б. Пушкин // Пушкин А. С. Сочинения / ред., биогр. очерк и прим. Б. Томашевского / вступит. ст. В. Десницкого. – Л.: ГИХЛ, 1935. – С. XXV–LXII.
18. Тьянянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1936. – С. 57–73.
19. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 272 с.
20. Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 600 с.

Natalia Konstantinova

Journey to Arzrum by A. S. Pushkin: "The Case of the Kalmyk Woman" in the Aspect of De-romanticization and Auto-communication

The article examines the specifics of A. S. Pushkin's "creative laboratory" based on the material of the documentary travelogue *Journey to Arzrum*. The novelty of the research is the identification of ways to construct a plot situation in a documentary travelogue in the aspect of the author's problem. The plot situation "the case of the Kalmyk woman" is used as a material for analysis from the point of view of discovering ways to fictionalize documentary material, namely de-romanticization and auto-communication. Using the comparative method of analysis – comparing the "Caucasian diary" of 1829 and the final version – *Journey to Arzrum* of 1836 – allows us to see a number of significant changes in the description of the "Kalmyk case". The inclusion of the Kalmyk episode in the literary context also reveals a connection with the tradition of sentimentalism, the plot situation of the "Lisa's text", as well as its romantic variants. The revealed narrative experiments reveal a special author's reflection on the process of text generation, and on the general literary context (sentimental-romantic tradition), and on his works written before 1829, become markers of the evolution of Pushkin's work, de-romanticization, self-irony and parody, express the transition to realism, the tendency to prose.

Key words: plot situation, journey, author's attitude, de-romanticization, auto-communication, documentary travelogue, *Journey to Arzrum*.

For citation: Konstantinova, N. V. (2025) «Puteshestvie v Arzrum» A. S. Pushkina: «sluchaj kalmychkoj» v aspekte deromantizacii i avtokomunikacii [Journey to Arzrum by A. S. Pushkin: "The Case of the Kalmyk Woman" in the Aspect of De-romanticization and Auto-communication]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 10-22. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_10. EDN: SLDOOB

References

1. Alekseev, P. V. (2014) Orientalizaciya prostranstva v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [Orientalization of space in A. S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. No. 382. Pp. 5–12. (In Russian).
2. Bagration-Mukhraneli, I. L. (2013) Motiv chudsnogo isceleniya v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [The motive of miraculous healing in A. S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik TvGU – TvGU Bulletin*. Ser. Philology. Issue 6. Pp. 160–167. (In Russian).
3. Banach, I. V. (2003) K probleme povestvovatelnoj obektivnosti v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [On the problem of narrative objectivity in A. S. Pushkin's *Journey to Arzrum*]. *Vzaimodejstvie literatur v mirovom literaturnom processe (problemy teoreticheskoj i istoricheskoj poetiki)* [Interaction of literatures in the world literary process (problems of theoretical and historical poetics)]. Proceedings of the International Scientific Conference. Grodno: GrSU, 2003. Part 2. Pp. 7–13. (In Russian).
4. Blagoy, D. D. (1967) *Tvorcheskij put Pushkina (1826–1830)* [Pushkin's creative path (1826–1830)]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
5. Kasumova, M. Y. (2015) Issledovanie Vostoka xudozhestvennymi sredstvami v zhanre «puteshestviya» [Exploring the East by artistic means in the genre of "travel"]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Scientific Research Journal*. No. 3 (34). Pp. 78–79. (In Russian).
6. Kichikova, B. A. (2015) «Ty ne lepechesh po-francuzski...» (poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» iz materialov k kommentariyu) ["You don't babble in French..." (A. S. Pushkin's message to "Kalmychka": from the materials for the commentary)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyx issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. Pp. 111–115. (In Russian).

7. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» kak istoriko-literaturnaya problema [Pushkin's Epistle to the Kalmyk Woman as a historical and literary problem]. *Vestnik Kalmykogo instituta gumanitarnyx issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 2. Pp. 166–173. (In Russian).
8. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» aspekty zhanrovogo svoeobraziya [Pushkin's Message to the Kalmyk Woman: aspects of genre originality]. *Vestnik Kalmykogo instituta gumanitarnyx issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. Pp. 169–176. (In Russian).
9. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» iz materialov k kommentariyu [Pushkin's Message to the "Kalmyk Woman": from the materials for the commentary]. *Aktualnye problemy sovremennogo mongolovedeniya* [Actual problems of modern Mongolian studies. Collection of scientific papers]. Elista: KIGI RAS. Pp. 196–204. (In Russian).
10. Komarovich, V. L. (1937) K voprosu o zhanre «Puteshestviya v Arzrum» [On the issue of the genre of "Travels to Arzrum"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii*. 3 [Pushkin. A temporary member of the Pushkin Commission. 3]. Moscow–Leningrad. Pp. 326–338. (In Russian).
11. Konstantinova, N. V. (2023) «Puteshestvie v Arzrum» A. S. Pushkina v istorii razvitiya dokumentalnogo traveloga XIX veka ["Journey to Arzrum" by A. S. Pushkin in the history of the development of the documentary travelogue of the XIX century]. *Pushkinskie chteniya – 2023. Xudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti zhanr avtor tekst* [Pushkin Readings – 2023. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XXVIII International Scientific Conference, ed. by prof. T. V. Maltseva. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 21–31. (In Russian).
12. Koshelev, V. A. (2000) «Arzrum nagornyj...» ["Arzrum nagorny..."]. *Koshelev V. A. Pushkin istoriya i predanie. Ocherki* [Pushkin: history and tradition. The essays]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. Pp. 269–296. (In Russian).
13. Levkovich, Ya. L. (1988) *Avtobiograficheskaya proza i pisma Pushkina* [Pushkin's autobiographical prose and letters]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
14. Pushkin, A. S. (1940) *Putevye zapiski 1829 g.* [Travel notes 1829]. Pushkin A. S. Complete collected works: in 16 volumes. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949. Vol. VIII. Book 2. Pp. 1027–1046. Supplemented to the poet's anniversary: In 19 volumes. Moscow: Voskresenie Publ., 1994–1997. (In Russian).
15. Radishchev, A. N. (1971) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow]. *Russkaya proza XVIII veka* [Russian Prose XVIII century]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 397–550. (Series "Library of World Literature"). (In Russian).
16. Sim, Giyn (2003) *Obraz puti i ego znachenie v tvorchestve Pushkina «Puteshestvie v Arzrum vo vremya poxoda 1829 goda» «Stihi sochinennye vo vremya puteshestviya»* [The image of the way and its significance in Pushkin's work: "Journey to Arzrum during the 1829 campaign"; "Poems composed during the journey"]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 66–80. (In Russian).
17. Tomashevsky, B. (1936) Pushkin [Pushkin]. *Pushkin A. S. Sochineniya. Red., biogr. ocherk i prim. B. Tomashevskogo. Vstupit. st. V. Desnickogo* [Pushkin A. S. Works. Editing, biographical essay and notes by B. Tomashevsky. Introductory article by V. Desnitsky]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. XXV–LXII. (In Russian).
18. Tynyanov, Yu. N. (1936) O «Puteshestvii v Arzrum» [On "Journey to Arzrum"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: The Time of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad. Pp. 57–73. (In Russian).
19. Schenle, A. (2004) *Podlinnost i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij 1790–1840* [Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature 1790–1840]. St. Petersburg: Academic Project Publ. (In Russian).
20. Etkind, E. G. (1999) *Bozhestvennyj glagol Pushkin pročitannyj v Rossii i vo Francii* [The Divine Verb: Pushkin, read in Russia and France]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).

Об авторе

Константинова Наталья Владимировна, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

About the Author

Natalia Konstantinova, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University, Doctor of Philology, Associate Professor (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

дата получения: 02.07.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 02 July 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025